

АЛЕКСЕЙ ХАПРОВ

**ТАЙНА
ДАЛЬНИХ ПЕЩЕР**

Любому, кто увлекается фантастикой, несомненно, знакомо такое понятие, как «параллельная реальность». Это мир, в котором всё идёт по-другому. Не так, как у нас. Свой мир мы при этом считаем основным. А параллельный — всего лишь изменённым. А если это не так? Если изменённым является как раз наш мир?..

Алексей Хапров

ТАЙНА ДАЛЬНИХ ПЕЩЕР

*«Старость — это
прошлое, живущее в
настоящем, прошлое
под тонким наносным
слоем нового»*

**(Томас Манн:
«Доктор Фаустус»)**

Вот, чёрт! Даже не знаю, как начать. Нет, в самом деле, сижу уже третий час, а лист по-прежнему остаётся пустым, хоть головой о стенку бейся. Будь я профессиональным писателем, таких проблем бы у меня, наверное, не возникало, ибо профессиональный писатель всегда сможет скрутить какую-нибудь изящную словесную завитушку, которая и к самой истории подведёт, и её содержание при этом не раскроет. Но я не писатель. Я обычный, простой человек, и не обладаю необходимым для профессионального творчества уровнем красноречия. Фразы типа: «до чего интересна жизнь... сколько в ней загадочного и невероятного... никогда не думал, что со мной может такое произойти» — использовать не хочется. Они слишком устоялись и способны скорее отторгнуть, нежели притянуть. А чего-либо

пооригинальнее придумать никак не удаётся.

Что же делать?

А вы знаете, оставлю-ка я свои безуспешные потуги с этим прологом и попробую обойтись без него.

Хочу сразу предупредить, что по ходу повествования вам встретится множество моментов, которые вызовут у вас изумление. Мол, что он несёт? Где он видел такие приборы? Где он встречал такие автомобили? Почему он это ведомство называет именно так?

Но не спешите подвергать сомнению мой рассудок. Всё объяснится. Правда, боюсь, что объяснение это вам покажется невероятным. Как и сама история. Наука, увы, не достигла ещё такой степени развития, чтобы воспринимать мои воспоминания как документальный материал. И всё же это правда. Да, это правда. Я, Роман Михайлович Егоров, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, ответственно заявляю, что во всём нижеизложенном отсутствует даже малая толика вымысла. С этим и приступаю. А уж верить мне или нет — пусть каждый решает для себя сам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Вызов с улицы Театральной поступил в нашу дежурную часть (Дворянский райотдел города Воронежа) около десяти утра: убит одинокий пенсионер. Место происшествия находилось недалеко, и мы были на нём уже через семь минут. Когда мы подъехали к указанному в сообщении дому, рядом с ним бурлила внушительная толпа жильцов. Перед нами расступились с тем суетливым почтением, с каким всегда реагируют на приезд криминальной полиции.

— На каком этаже? — сухо спросил Орлов.

— На четвёртом, — услужливо ответили робкие нестройные голоса.

Наш шеф зашёл в подъезд и стал подниматься по лестнице. Мы последовали за ним.

Дверь нужной нам квартиры была приоткрыта. Мы вошли внутрь. В прихожей на небольшом стульчике перед зеркальным сервантом в горестной позе сидела пожилая женщина. Увидев Орлова, она вздрогнула. Мы этому не удивились. К подобной реакции на появление нашего шефа мы уже привыкли. Михаил Степанович имел резкие, хищные, казавшиеся зловещими черты лица, которые с непривычки могли напугать.

— Где труп? — коротко осведомился он.

Женщина указала на одну из трёх имевшихся здесь комнат:

— В гостиной.

— Это вы вызвали полицию?

— Я.

— Вы горничная?

— Да.

— В комнате ничего не трогали?

— Вроде, ничего.

Орлов обернулся к нам и слегка кивнул. Это был знак к началу. Мы принялись натягивать бахилы.

Какова бы ни была следственная ситуация, все действия нашей группы происходили по одной и той же давно отработанной схеме. Каждый из нас имел свой определённый участок работы и чётко знал, чем ему следует заниматься. Михаил Степанович сосредотачивался на опросе очевидцев. Лида Русанова открывала свой «волшебный», как мы его называли, чемоданчик, и с помощью разнообразных приспособлений принималась колдовать над имевшимися на месте преступления предметами. Дима Зильберман щёлкал фотоаппаратом, а мы с Сергеем Чурсиным готовили подробные пояснения к его снимкам: Сергей фиксировал детали, а я вписывал их в протокол.

В гостиной было темно. Плотно задвинутые шторы не давали проникнуть внутрь рвущемуся снаружи свету и скрывали подробности обстановки, делая доступными к восприятию лишь её очертания: силуэт шкафа, силуэт стола, силуэт

лежащей на полу человеческой фигуры.

Орлов протянул руку к выключателю. Вспыхнула люстра. Я устремил свой взор на убитого хозяина квартиры. Это был маленький сухощавый старичок с обрамлѐнной седыми волосами лысиной и клинообразным лицом, которое отличали широкий лоб и узкий острый подбородок. Его руки и ноги крепко стягивала верѐвка, лицо представляло собой сплошное месиво, а бело-синяя полосатая пижама алела едва успевшей высохнуть кровью.

Поморщившись от резавшего ноздри неприятного запаха, я примостился у края стола, достал из папки чистый бланк, вписал в него текущую дату — 10 июня 1965 года — отметил время, заполнил «шапку» и поднял глаза на своего напарника. Чурсин по-пижонски засунул руки в карманы брюк, неспеша огляделся по сторонам и отсигналил старт:

— Пиши...

Как и почему я стал полицейским?

Перед каждым из нас по достижении совершеннолетия непременно встаѐт вопрос: кем быть? Этот вопрос есть первое серьёзное жизненное испытание. Испытание на зрелость, испытание на мудрость, испытание на накопленный жизненный опыт.

Вы, уважаемый читатель, наверное сейчас хмыкнули: какой может быть жизненный опыт в шестнадцать-то лет? Согласен, практически никакого. Но всё-таки.

Значение этого испытания для будущего не переоценишь. Ведь от сделанного тобой выбора зависит вся твоя дальнейшая судьба. Ошибка, конечно, не смертельна. Профессию, если она не понравится, можно потом и поменять. Но на это уйдёт время, а ведь жизнь не вечна. Поэтому лучше сразу попадать в точку.

Кто-то определяется сам, кто-то подчиняется воле родителей. Какой из этих подходов предпочтительнее — сказать трудно. Ведь неудача может быть и там, и там. Здесь очень важно правильно оценить собственное «я». Профессия должна гармонировать с нутром — это незыблемая основа жизненного счастья. Заниматься тем, что не соответствует твоей энергетике — значит обрекать себя на хроническое чувство неудовлетворённости.

Лично я свой выбор делал самостоятельно. Свидетельствую об этом не без гордости. Сопоставив свои личностные реалии с особенностями различных сфер, я пришёл к выводу, что наилучшим местом профессионального образования для меня будет Академия полиции, благо таковая в нашем Воронеже имелась.

Мои родители от моего решения были не в

восторге.

— Но почему именно полиция? — недоумённо вопрошал отец. — У нас в роду сроду не было полицейских. Я инженер, твоя мать педагог. Почему бы тебе не пойти по нашим стопам?

Я в ответ лишь вздыхал и пожимал плечами. Я не мог им детально всё объяснить, но интуитивно чувствовал, что полиция — это моё, и, забегая вперёд, скажу, что о своём выборе впоследствии ни разу не пожалел.

Это были прекрасные и незабываемые пять лет. Учиться было интересно. История преступлений, секреты криминалистики, методики расследования — это вам не закон Божий, ни мёртвые языки, которыми обильно пичкают в гимназии. Это настоящие, серьёзные науки, идущие вровень с жизнью, а не вбиваемые в мозг исключительно для общего развития.

Яркая учёба давала надежду на не менее яркую службу. Но когда черёд последней, наконец, наступил, меня всё чаще и чаще стало постигать разочарование. Мои служебные будни, в основной своей массе, были сопряжены с банальщиной. Пьяные драки, квартирные кражи, ночные грабежи — всё это было заурядно и неинтересно. А мне так хотелось чего-то необычного и особенного.

Руководитель нашей следственной группы,

Михаил Степанович Орлов, которого мы между собой уважительно называли либо «шеф», либо «батя», реагировал на мои порывы со снисходительной усмешкой: «Да пойми же ты, дурья голова, что в нашем деле главное не интерес, а результат. Чем нетипичнее преступление, тем труднее его раскрыть. Зачем тебе лишние проблемы?». Но мне было двадцать шесть лет, я был молод, и поэтому далёк от свойственного его возрасту («бате» было за пятьдесят) стремления к покою и простоте. Мне страстно хотелось столкнуться с чем-то запутанным и таинственным.

И вот в тот день случилось то, чего я так долго ждал. Взглянув на картину преступления, я сразу понял, что дело об убийстве девяностодвухлетнего пенсионера Георгия Рудольфовича Здановского обещает стать неординарным. У меня от волнения даже немного затряслись руки...

Перед тем, как вернуть вас, уважаемый читатель, в квартиру убитого, познакомлю вас со своими тогдашними сослуживцами. Думаю, это станет не лишним. Ведь они будут фигурировать на протяжении всей первой части, и вы должны их себе как-то представлять.

Нашего шефа я уже обрисовал. Идём дальше. Русанова. Лидочка занимала у нас должность

эксперта. Серьёзная и сосредоточенная на службе, весёлая и раскованная в быту, она, без преувеличения, была душой всей нашей группы, внося в неё то умиротворение и тот позитив, которых порой так часто не хватает для внутриколлективной гармонии. Её нельзя было назвать красавицей. Когда она шла по улице, на неё не оглядывались, не косились, не упивали взоры. Но и склоняться к противоположной крайности тоже будет неверно. Да, Лидочка была далеко не модель: пышнотелая, без шарма. Но её незаурядный ум, её спокойствие и незаносчивость полностью компенсировали все недостатки её внешности. Не знаю как вам, а лично мне более по сердцу башковитые невзрачницы, чем пустоголовые блондинки.

Дима Зильберман. Он был старше меня на пять лет. Рыжеватый, худощавый, с жёсткими, походящими на стальную проволоку, зачёсанными в «ёжик» волосами. Его лицо было острым, как топор, и чем-то напоминало увядающий осенний лист: жёлтое, сухое, поблекшее — отголосок неумеренного курения. Наш главный остро слов. Он удивительно точно умел подмечать смешное и несуразное. Был вдумчив и нетороплив. Он как бы смаковал каждую переживаемую им минуту. Что мне в нём особенно импонировало, так это его воистину железная крепость духа. Ни одна из

неудач, — а такие бывают у каждого человека, — не оставляла мучительных воспоминаний в его памяти и ничуть не тревожила его малоподдающуюся каким-либо терзаниям совесть. Он принадлежал к тем счастливым натурам, чей здоровый эгоизм уже сам по себе окрашивает жизнь в радужные тона. Этой его особенности я даже завидовал. Я настроить себя так не мог.

Сергей Чурсин. Ему было двадцать восемь. Почти мой ровесник (разницу в два года я к существенной не относил). Это был маленький, светловолосый, с виду добродушный толстячок с круглым розовым лицом и немного оттопыренными ушами. При первом взгляде его можно было счесть за простачка. Но в его случае внешность была обманчива. Под маской «бравого солдата Швейка», как мы иногда его между собой называли, скрывались железная хватка и изящный ум. Горе было тому, кто вставал у него на пути.

Эх, какая у нас была сплочённость! Нашему взаимопониманию завидовали все. И надо же было такому случиться...

Впрочем, не будем торопить события. Всему своё время.

Возвращаемся на Театральную. Причина убийства Здановского сомнений не вызывала — ограбление. Антураж происшествия указывал

именно на него. Но это ограбление было не простым. Деньги, ценные вещи, бытовая техника, — то, что чаще всего уносят преступники, — остались нетронутыми. Целью бандитов определённо являлось что-то другое, гораздо более серьёзное. Об этом красноречиво свидетельствовал взломанный тайник, искорёженная дверца которого была настезь распахнута и являла свету неглубокую пустую выбоину, значившуюся в межкомнатной стене. В подобных укрытиях, как правило, абы что не хранят.

Вспоминая тот тайник, должен заметить, что он был устроен весьма профессионально. Разглядеть его в разрисованных крупной клеткой обоях было нелегко, ибо края его дверцы настолько плотно смыкались с проёмом, что не оставляли практически никакого зазора. Да и возможности для его разглядывания посторонними хозяин свёл к нулю, ибо соответствующий тайнику участок стены был завешен ковром. Так что убийцы явно знали, где им следует искать.

Пока мы осматривали квартиру, Орлов всячески пытался расшевелить пребывавшую в глубоком шоке горничную, стремясь извлечь из неё как можно больше информации по горячим следам. Такая информация оказывается самой верной.

— Как вас зовут?

— Мария Сергеевна.

— Где вы живёте?

— В соседнем доме.

— Здановскому прислуживаете давно?

— Второй год.

— Когда вы обнаружили его убитым?

— Сегодня утром, около десяти часов, когда пришла убирать.

Горничная всхлипнула. Наш шеф деликатно выдержал паузу, дав возможность даме протереть глаза, после чего продолжил опрос:

— Как часто вы здесь появлялись?

— Каждый день, кроме выходных.

— Вы приходили в одно и то же время?

— Да, к десяти.

— В чём заключались ваши обязанности?

— Стирка, уборка, готовка, ходьба по магазинам.

— У вас есть какие-нибудь подозрения, кто мог убить вашего хозяина?

— Нет.

— А как вы думаете, в связи с чем его убили?

Горничная пожала плечами:

— Ума не приложу. Он был одинок, жил тихо, ни с кем не конфликтовал.

— Кем он был раньше?

— Понятия не имею.

— Вам известно хоть что-нибудь об его

прошлом?

— Ничего. Он избегал об этом говорить.

— Не было ли в нём чего-нибудь такого, что могло бы указать на его профессиональную принадлежность? Там, военная выправка, какие-то привычки, манеры.

— Я ничего такого не замечала.

— Вы знали о существовании в гостиной тайника?

— Нет, не знала.

— И что в нём хранилось, следовательно, тоже?

Горничная кивнула и выпустила наружу очередную порцию слёз.

Изучение места преступления продолжалось до вечера. Квартира была большой, вещей в ней было много, и у нас ушла уйма времени, чтобы их все осмотреть. Мы перерыли всё, что можно, но ничего подозрительного так и не нашли. Обычное бытовое барахло, какое присутствует в любом жилище.

Когда мы вернулись обратно, я походил на выжатый лимон. Мои напарники выглядели не лучше. Первое, что мы сделали, когда зашли в отдел, это подключили к монитору ДЧК. Перед нами предстала страшная картина минувшей ночи...

Стоп. Здесь, наверное, стоит сделать паузу и

пояснить, что это вообще такое, ДЧК, ибо в силу определённых причин, суть которых я раскрою позже, вам, уважаемый читатель, он не знаком.

ДЧК — это дисперсный частотомер Краснова. Мы ещё называли его «машинка времени». Он как бы позволял заглянуть в прошлое. С его помощью можно было увидеть то, что происходило в определённой точке пространства в тот или иной временной момент. Этот прибор открывал перед нами все обстоятельства преступления. Если бы с его помощью можно было ещё безошибочно идентифицировать преступника, цены бы ему не было. ДЧК считывал электромагнитную память поля. Но он не фиксировал изображение с той чёткостью, с какой это делает фото- или кинотехника. Транслируемая им картинка чем-то походила на рентгеновский снимок. Человек в ней выглядел как серый сгусток. Можно было рассмотреть его фигуру, наблюдать как он движется, что делает. Но различить его лицо было, увы, нельзя.

Продолжим. Мы уставились в монитор. На экране появились очертания уже знакомой нам гостиной. Времямер показывал начало четвёртого утра. Поначалу в комнате никого не было. Затем в ней обозначились три фигуры: две принадлежали преступникам, — один был высоким и худым, второй — поменьше и поупитаннее, — в третьей

мы опознали Здановского. Преступники сорвали со стены ковёр, агрессивно поговорили с хозяином, потом швырнули последнего на пол и принялись избивать. Несколько раз они останавливались, наклонялись к своей жертве и, видимо, о чём-то её спрашивали, после чего возобновляли свои побои с удвоенной силой.

— Требуют ключ от тайника, — предположил Чурсин. — А он не даёт.

— Угу, — буркнул Орлов.

Я и Зильберман кивками выразили своё согласие.

Дело закончилось колющим ударом ножа. Его нанёс высокий. Здановский безжизненно распластался на полу. Убийцы вышли в прихожую, принесли из неё какое-то приспособление и принялись колдовать над дверцей тайника.

— Фомка, — заметил Чурсин, — или лом.

Наш шеф снова угукнул.

Взломав тайник и взяв из него какой-то небольшой предмет, преступники вышли из квартиры.

— Ну что, подведём предварительные итоги? — устало спросил Орлов.

Он выключил монитор и тяжело плюхнулся за стол. Мы уселись рядом.

— Убитый — гражданин Здановский Георгий Рудольфович, — рассуждающе начал наш

начальник, отчёркивая галочку на лежащем перед ним листе бумаги. Такая уж у него была манера излагать: всё, что он высказывал, обязательно помечалось каким-нибудь значком. — Одна тысяча восемьсот семьдесят третьего года рождения... Хм, долгожитель. Девяносто два года... Пенсионер, вдовец, проживал один в трёхкомнатной квартире. Квартира не съёмная, является его собственностью. По показаниям времямера, убит в четыре пятьдесят шесть утра. Входная дверь не взломана, из чего явствует, что либо убитый впустил убийцу в квартиру сам, либо у тех был ключ.

Наш шеф черкнул восклицательный знак.

— Причина убийства — грабёж. В квартире обнаружен вскрытый тайник. Что было в тайнике — установить пока не удалось.

На бумаге появился знак вопроса.

— Опрос соседей практически ничего не дал. Шум в его квартире они слышали, но ничего неладного не заподозрили. Дед страдал бессонницей, и возня по ночам была у него в порядке вещей. Они к ней уже привыкли. Из их слов явствует, что Здановский жил изолированно, ни с кем не общался и никого к себе не пускал. Единственная, кто была к нему вхожа — это горничная. Но и она ничего вразумительного показать не смогла.

— Личность загадочная, — хмыкнул

Сергей. — Прожил в этом доме около двух десятков лет, а о нём никто ничего не знает.

— Загадочная, — согласился наш шеф. — И этот недостаток нужно устранять. Вот этим ты и займёшься. Отработаешь круг его общения.

— Так этот круг составляет одна горничная. Вы же её опрашивали.

— Не нынешний круг, а прошлый. Так сказать, допенсионный, — пояснил Орлов. — Утром зайдёшь в городской департамент и подашь запрос в архив: где он раньше жил, кем работал, в чём засветился, и тому подобное. А по поступлении информации пройдёшь по связанным с ним адресам и пообщаешься с народом. Может его кто и помнит. Если адресов окажется много, возьмёшь в помощники Зильбермана.

— Будет исполнено, — козырнул Чурсин.

Взгляд нашего шефа переместился на Русанову.

— Можно что-нибудь сейчас сказать об убийцах?

— Можно, но не многое, — ответила она. — Это мужчины. Больше я пока ничего сообщить не могу. Нужно дождаться результатов анализа собранных микрочастиц. Они будут завтра.

— Хорошо, — кивнул Орлов.

— А может это не мужчины, а такие мужеподобные женщины, — хохотнул Зильберман.

— Дима, сейчас не время для шуток, — упрекнула его Лида.

— А я и не шучу. Мы с подобным уже сталкивались. Вспомни ночные грабежи в Детском парке. Все потерпевшие утверждали, что на них нападали мужчины. А выяснилось, что это был обряжённый в мужскую одежду слабый пол.

Русанова решительно замотала головой.

— Это не тот случай. Для того, чтобы взломать сейф, требуется грубая мужская сила. Женщины с этим не справятся. Да и так измочалить пострадавшего женщины определённо не могли.

— А если один из них мужчина, а вторая женщина?

— Оба убийцы — мужчины, — твёрдо повторила эксперт. — На это указывают все трасологические признаки. Например, длина шага. Шаги убийц насчитывают 70–80 сантиметров. Это явно не женский шаг. У женщин шаг короче — порядка 50–70 сантиметров. Кроме того, угол постановки ступней. У обнаруженных в квартире следов он составляет 11 градусов. Это типично для мужчин. У женщин же данный показатель несколько выше — 15–20 градусов.

— Ладно, ладно, сдаюсь, — ворчливо пробормотал Дима и, хитро подмигнув нам с Чурсиным, капитулирующе вскинул руки вверх. — Но жена у этого деда была, конечно, красавица, —

заметил он, прицокнув языком.

Мне тут же вспомнился висевший на стене в гостиной фотопортрет. Там была запечатлена супруга хозяина, как две капли воды похожая на известную артистку Марину Ладынину.

Орлов откинулся назад, заложил руки за голову и задумчиво уставился в потолок.

— Не даёт мне покоя одно ощущение, — пробормотал он. — Как будто мы что-то упустили. И что-то очень важное. Чурсин, Егоров, вы там точно всё осмотрели?

— Вроде всё, — откликнулся Сергей. — Перебрали каждую тряпку, каждую бумажку.

Наш шеф немного помолчал, после чего снова воззрился на нас.

— А стены обстукивали? Вдруг там есть и другие тайники.

Мы с Чурсиным переглянулись. Я озабоченно кашлянул.

— Не успели, Михаил Степанович. Времени не хватило.

— Времени не хватило, — иронично передразнил меня Орлов. — А может просто не догадались?

— Может и не догадались, — пробурчал Чурсин. — Вы ведь об этом не сказали.

— А своя голова на что? Чтобы только фуражку на ней носить?

Мы опустили глаза.

— Ладно, — смягчился наш шеф, — это поправимо. Егоров, придёт тебе завтра наведаться туда ещё раз. Обстучи хорошенько стены, пол, и не забудь заглянуть за вентиляционную решётку на кухне. Что-то моя интуиция не спокойна. Задание понятно?

— Понятно, — кивнул я.

— Тогда по домам. На сегодня хватит...

Глава вторая

Посмотрев, не увязался ли за мной кто из сослуживцев, я свернул в переулок, прошёл до его конца и нырнул под навес стоявшего на углу телефона-автомата.

Я приходил сюда в том случае, если мне требовалось сделать личный звонок. Я никогда не делал личных звонков со службы, где вокруг меня постоянно вращалась масса людей, ибо стеснялся выставлять свои амурные дела напоказ.

Да, уважаемый читатель, у меня был роман. Серьёзным его, правда, не назовёшь, ибо он оказался недолгим, и финалом его стал отнюдь не успех. Но это была моя первая настоящая любовь. Именно любовь, а не мимолётное увлечение. Вот поэтому он и оставил в моём сознании такую глубокую зарубку. Я прекрасно помню все его

перипетии даже сейчас, много лет спустя. Первая любовь остаётся в памяти у каждого. Минуют годы, но она из неё не испаряется. Её хрононы преследуют нас вечно.

С Лизой мы познакомились в марте, за три месяца до описываемых мною сейчас событий. Я увидел её в театре. Прохаживаясь перед спектаклем по фойе, я обратил внимание на невысокую худенькую девушку в элегантном фиолетовом платье. Это было идиллическое создание. Её шелковистые чёрные волосы вздымались надо лбом бурной волной, а карие глаза, тонкий нос и полные жизни губы придавали её лицу притягивающую к себе привлекательность.

Во мне как будто что-то стрельнуло. Меня точно захлестнула буря чувств. Это знакомо каждому. По своей природе это, наверное, одно из самых загадочных биологических явлений: появляется внезапно и сверлит душу так, что буквально не находишь себе места, рисуя в своих мечтах те наслаждения, без которых жизнь всего лишь пустой дар.

Дождавшись антракта и улучив момент, когда сопровождавшая девушку маман отправилась приводить себя в порядок, я встал перед объектом своего внимания, галантно щёлкнул каблуками, потрянул головой и отчеканил:

— Разрешите представиться, младший

лейтенант полиции Егоров. Восхищён вашей красотой. Позвольте узнать ваше имя.

Девушка поначалу опешила. Её явно смутил такой напор. Она покраснела, но с ответом не задержалась.

— Лиза, — тихо вымолвила она.

— Очень приятно. А меня зовут Роман, — снова щёлкнул каблуками я.

Лиза заулыбалась.

— В вашей полиции все такие бойкие?

— Все, — выпалил я. — Служба, знаете ли, такая. Без бойкости никак. Вам нравится спектакль?

— Да как вам сказать, — пожала плечами Лиза. — Актёры играют хорошо. Портнягин, как всегда, бесподобен (Борис Портнягин был ведущим актёром Воронежского драматического театра). Декорации сделаны со вкусом. Но вот режиссура, по-моему, слабовата. Я уже видела эту пьесу в Санкт-Петербургском Императорском театре, и, должна сказать, там она смотрелась поубедительнее.

— Ну, нашли, что сравнивать, — развёл руками я. — Это же столица. А у нас — провинция, и уровень, соответственно, провинциальный.

— Это вы зря, — возразила моя собеседница. — Случается, что провинциальные театры ставят гораздо лучше столичных. В провинции тоже есть таланты.

— Вы любите театр?

— Очень.

Я напряг память, отыскивая в ней что-нибудь на обозначившуюся в нашей беседе тему, но тут из дамской комнаты появилась Лизина маман. Своей походкой она напоминала торжественно плывущую в воде большую щуку, перед которой лучше не вертеться всякого рода мелкоте. Увидев меня, она вытянула лицо до сверхъестественных размеров. Её взгляд наполнился негодованием: мол, что за нахал смеет клеить её простодушную, ещё ничего не ведающую о мужском коварстве дочь? Я понял, что мне будет лучше ретироваться.

— Умоляю, назовите свой телефон, — прошептал, готовясь отойти, я.

— Семь семнадцать сорок семь, — тихо продиктовала Лиза.

Я бросился в зал. Всё оставшееся время антракта я просидел с низко опущенной головой, боясь даже покоситься в ту сторону, где располагалась моя новая знакомая. Я позволил себе украдкой бросить на неё свой взгляд только тогда, когда начал гаснуть свет. Лиза сидела в понурой позе и покорно выслушивала гневные сентенции своей родительницы.

Я позвонил ей через день. Говорили мы долго. То да сё, пятое-десятое: погода, культурные новости, городские сплетни. Лизина маман уехала

на заседание какого-то попечительского комитета, поэтому нам ничто не мешало. Я рассказал Лизе о себе, где живу, где работаю. Она, в свою очередь, поведала о своих занятиях. Оказалось, что Лиза учится на филологическом факультете университета и готовится посвятить себя искусству.

Местом наших встреч мы избрали парк «Сосновый». Выбор на него пал не случайно. Он находился на самой окраине города, и нас там никто не мог застукать. Лизина мать была не в восторге от моей персоны. Она явно жаждала заполучить для своей дочери какую-нибудь более выгодную партию, нежели простой полицейский, и строго-настрого наказала ей избегать случайных знакомств.

Наши свидания стали регулярными. Они не отличались большой продолжительностью. Причина заключалась в той же конспирации: чтобы не вселять в мать никаких подозрений, Лиза старалась пораньше возвращаться домой. Но их вполне хватало, чтобы зарядить меня позитивом на весь следующий день. И вдруг они прекратились. В один из вечеров Лиза не пришла. Я не замедлил позвонить ей домой.

— У меня сегодня не получилось, — уклончиво ответила она.

— А завтра ты придёшь?

— Постараюсь, но не обещаю.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни послепослезавтра моя подруга так и не появилась. Её объяснения не отличались разнообразием и повторялись изо дня в день: «Не смогла... постараюсь... не обещаю».

Я потерял покой. Меня терзало недоумение: что могло произойти? Ведь у нас всё было так хорошо. Может я сделал что-то не так? Что могло нарушить установившуюся между нами гармонию?

Неясности явно затянулись, и сегодня я твёрдо вознамерился поставить вопрос ребром: не хочешь встречаться — так и скажи. Только объясни, что, собственно, случилось.

Ещё раз оглядевшись по сторонам, я с трепетом набрал 7-17-47 и вслушался в длинные, протяжные гудки. Раздался щелчок.

— Алло?

Я узнал голос горничной.

— Пригласите, пожалуйста, Лизу.

— Лизы нет.

— А где она?

— На занятиях.

«Какие у неё могут быть вечером занятия?», — подумал я, но больше ничего спросить не успел. На другом конце провода беспардонно швырнули трубку.

Я вышел из-под навеса и неспеша побрёл вперёд. Идти домой не хотелось: пустая квартира

навевала лишь грусть и тоску. Настроение было прескверным, и, чтобы хоть как-то развеяться, я решил прогуляться по Большой Дворянской. Это была центральная улица Воронежа, излюбленное место отдыха горожан. Для хорошего времяпрепровождения здесь располагало всё: вымощенная брусчаткой пешеходная зона, театр, кинозал, разнообразные магазины и кафе.

Вечер выдался чудесным. По небу плыли лишь несколько перистых облаков. Разноцветные крыши домов воспламенялись от заходившего на посадку солнца. Полуденный зной сменился приятной прохладой. Всё вокруг дышало свежестью. Но меня это не радовало. Я чувствовал себя обманутым и брошенным. Пройдя по Большой Дворянской от начала до конца, я начал жалеть, что сподобился на такую прогулку. Вид поглощённых друг другом пар, задорный гвалт кучковавшейся подле обочин молодёжи только ещё более усилили терзавшее меня ощущение одиночества. Оно стало просто нестерпимым. Мне буквально хотелось выть.

Дойдя до ослепительно блестящего позолоченной верхушкой Никольского храма, я свернул в Железнодорожный переулок и обомлел. По другую сторону дороги шла Лиза. Она была не одна. Её вёл под руку какой-то модно одетый субъект. Они оживлённо переговаривались,

улыбались, и весь их счастливый вид свидетельствовал о неподдельной взаимной увлечённости.

Я злобно уставился на своего соперника. И что только Лиза в нём нашла? Долговязый, сутулый, спина как у верблюда; маленькая, почти что птичья, голова; рожа — как лошадиная морда. Не человек, а «в мире животных».

Первым моим порывом было хорошенько начистить ему физиономию. Но меня удерживал мой статус. Не к лицу сотруднику полиции устраивать банальный мордобой. Да ещё из-за женщины. За такое можно запросто лишиться погон. А этот «верблюд» их явно не стоил.

Я сжал зубы, развернулся и двинулся в обратную, относительно их движения, сторону. Во мне всё кипело. Наружу выплёскивались порывы ярости, и чтобы не произошёл срыв, нужно было срочно чем-нибудь себя отвлечь. Я нащупал лежавшие в кармане пиджака ключи, и тут у меня мелькнула мысль: а не пойти ли мне в квартиру Здановского? Мне ведь поручено произвести её повторный осмотр. Так почему бы ни сделать это прямо сейчас?

Я решительно остановился, повернулся к дороге и проголосовал приближавшемуся сзади такси...

Глава третья

Жилище убитого встретило меня пугающим безмолвием. Атмосфера казалась настолько зловещей, что её не разряжали даже доносившиеся сверху ритмы «Битглз» — группы, которую я очень любил. Я уже давно заметил, что в местах, где недавно побывала Смерть, особенно если она была насильственной, существует какая-то особая, тягостная аура. Люди старшего поколения стараются обходить их стороной. Я уже неоднократно это наблюдал. Что ими движет? Простой суеверный страх? Или они чувствуют что-то более, нежели молодёжь?

Я захлопнул дверь, зажёл свет и с ходу приступил к осмотру. Дело шло со скрипом. Как я ни старался сосредоточиться на своём служебном задании, образ Лизы не выходил у меня из головы. Я был на неё обижен. Я был на неё зол. Променять меня на такого урода!

Обстучав прихожую и не обнаружив ни малейшего признака скрытой внутри пустоты, я подался в гостиную и обессилено опустился на диван.

«Остальное доделаю завтра, — решил я. — А заночую прямо здесь. Какой смысл ехать домой, если наутро возвращаться сюда снова! Меня там всё равно никто не ждёт».

Мучимый грустью, я погасил свет, принёс из спальни подушку, разулся, принял горизонтальное положение и закрыл глаза. Меня стала обволакивать тревога. Она словно проникала в меня из стен, пронзая моё тело не знающими преград незримыми волнами, и оплетала моё сознание жгучей, липкой паутиной. Именно в этой комнате, в двух метрах от дивана, на котором я лежал, был убит Здановский. Перед моими глазами снова предстала та жуткая сцена, которую я наблюдал посредством ДЧК. Я поёжился. Как по-разному воспринимаются порой простой, голый факт и его созерцание. Одно дело просто услышать, что человека пырнули ножом, и совсем другое — увидеть, как это произошло.

А вдруг дух хозяина ещё пребывает здесь? Вдруг он сейчас витает под потолком и осуждающе смотрит на меня, незваного гостя, посмевшего без спроса вторгнуться в его владения? Ведь души умерших по преданию покидают землю только на сороковой день. А с момента смерти старика ещё не прошло и суток.

Я разомкнул веки и пристально взгляделся в темноту. В поглощённой мраком гостиной различались лишь слабые контуры мебели. Я перевернулся на другой бок и стал решительно отгонять нашедшие на меня страхи. Кто раз поддастся суеверной слабости, на того потом будет

вечно действовать всякий вздор. Я снова закрыл глаза и принялся думать о Лизе...

Проснулся я среди ночи. В уши била тишина. Наглухо сомкнутые шторы полностью заслоняли собой отблеск мерцавших в небе ночных светил. Вокруг царили умиротворение и покой. Но на моей душе, тем не менее, скребли кошки. Внутренний голос словно предупреждал меня о приближавшейся опасности. Это было какое-то первобытное, природное чутьё, свойственное ещё нашим далёким предкам эпохи палеолита.

До моих ушей донёсся шум. Прислушавшись, я опознал в нём скрежет замка. Скрипнула входная дверь. На полу проявилась и тут же погасла полоска исходившего с лестничной клетки света.

Меня прошиб холодный пот. Я тихо скатился на пол и, опираясь на ладони, притаился за боковой спинкой дивана. В прихожей замелькало маленькое, походящее на светлячка, пятнышко света. Вторгшийся в квартиру «пришелец» зажёл портативный фонарь. Его неясный, чуть темнее чёрного прямоугольника открытой двери силуэт проследовал по коридору и, не дойдя до гостиной, скрылся в соседней комнате. Незнакомец явно таился. Я настороженно ловил звук его шагов. Они были крадущимися, очевидно стремились быть тихими, но, несмотря на все его усилия, всё же

издавали весьма отчётливый гул.

Кто это? И что ему здесь нужно?

Я привстал на цыпочки, пробрался в коридор и подкрался к соседней двери. «Пришелец» стоял у стеллажа и рассматривал заполнявшие его книги, водя по ним тонким, походящим на остро заточенную шпагу, лучом фонаря. Он выдвигал их одну за другой, быстро пролистывал и ставил на место, явно что-то выискивая. Я замер, затаил дыхание и стал пристально наблюдать за ним. И тут незнакомец словно каким-то шестым чувством обнаружил моё присутствие. Он замер, простоял так несколько секунд, после чего в дверной проём метнулся луч фонаря. Я дёрнулся назад, но опоздал с этим буквально на какое-то мгновение. Меня успели заметить. Фонарь погас. Поняв, что таиться дальше бессмысленно, я заглянул в комнату, намереваясь пригвоздить незваного гостя к полу, но тут же был снесён врезавшейся в меня массой. Дверь квартиры распахнулась. «Пришелец» перескочил через порог и устремился по лестнице вниз. Я бросился за ним. Но моя позиция в этой погоне была заведомо проигрышной. Босиком далеко не убежишь: мои ботинки ведь остались стоять у дивана. Когда я выскочил из подъезда, незнакомец уже заворачивал за угол. Шансы догнать его были невелики. Но мне повезло. Впрочем, не знаю, можно ли это назвать везением.

Ночную тишину прорезал оглушительный визг тормозов, послышался глухой удар. Я ринулся к дороге. У обочины вполоборота стоял автомобиль. Метрах в двух от него в безжизненной позе валялось тело «пришельца». Из машины, с белым, как мел, лицом, вылез пожилой шофёр.

— Откуда он взялся? — растерянно пробормотал он, словно никак не мог поверить в случившееся.

Возле трупа стала растекаться тёмная лужа. Я подошёл ближе. Оглядев распостёртое на асфальте тело при свете стоявшего неподалёку фонаря, я почувствовал, что у меня начинает отвисать челюсть. Это был тот самый «верблюд», с которым я накануне видел Лизу.

Вот так поворотик!

До моих ушей снова донёсся дрожащий голос шофёра.

— Куда он, сломя голову? На улице пять утра!

Я посмотрел на водителя. Он был близок к обмороку.

— Успокойся, — проговорил я. — Ты ни в чём не виноват. Я всё видел. Вот что, побудь пока здесь, а я схожу вызову полицию. И не вздумай удрать — попадёшь под статью.

Подкрепив своё предупреждение демонстрацией служебного удостоверения, я направился к телефону-автомату.

Глава четвёртая

Как и следовало ожидать, на утренней планёрке наш шеф был мрачнее тучи, причиной чему, несомненно, являлись ночные события.

— Уж не знаю, ругать тебя или хвалить, — гневно выговаривал мне он. — С одной стороны ты, конечно, молодец. Не окажись ты ночью в квартире — этот субъект проскочил бы мимо нас, как вода сквозь пальцы. А с другой — что толку? Взять его живым ты всё равно не смог.

— Михаил Степанович, — развёл руками я, — да кабы не этот автомобиль...

— Отставить «кабы»! — рявкнул Орлов. — Расторопнее надо было быть, расторопнее. Почему ты не взял его прямо в доме? Почему ты позволил ему выбежать на улицу?

— Так получилось, — вздохнул я.

— Так получилось! — передразнил меня шеф. — Не раззявь ты свой рот — убийство, глядишь, было бы уже раскрыто. Ты уверен, что в этих книгах ничего нет?

— Ничего, Михаил Степанович, — клятвенно выпалил я. — Перерыл весь стеллаж.

— Но что-то же он там искал!

Я тяжело вздохнул и пожал плечами.

В стремлении выяснить, каким ветром занесло

«верблюда» в квартиру Здановского, я провёл весть остаток ночи. Проводив карету «скорой помощи», увезшую труп незнакомца в морг, и запротоколировав с прибывшими на место аварии сотрудиками ГДС (Государственная дорожная служба) суть произошедшего, я вернулся обратно в дом и до самого рассвета рылся в стеллаже. Я перетряхнул каждую из стоявших в нём книг, но так ничего и не нашёл. Книги как книги, какие присутствуют в любой домашней библиотеке: Пушкин, Булгаков, Толстой. Все покрыты пылью: очевидно, к ним уже давно не прикасались. Внутри ни одной бумажки. Но Орлов прав: без причины «верблюд» бы в них не полез. Жаль, что с ним случилось именно так. Не исключено, что придётся ещё помучиться с установлением его личности, ведь никаких документов при нём не оказалось. Горстка мелочи, портативный фонарь, да связка ключей — вот и всё, что обнаружилось в его карманах. Впрочем, одна зацепка к незнакомцу всё же была — это Лиза. Уж она-то наверняка должна знать имя своего ухажёра. Но как к ней с этим подойти? Миссия, по понятным причинам, была не из приятных.

Полютовав ещё немного на мою неповоротливость, наш шеф обратил свой взор на «вещдоки».

— Так-так, — изрёк он, вертя в руках

найденные у «пришельца» ключи. — Что ты можешь о них сказать?

— Один из ключей подходит к дверному замку. Я проверял, — доложил я. — Не исключено, что именно с его помощью убийцы и проникли позaproшлой ночью в квартиру. Назначение остальных пока не известно. Но тот, который самый маленький, скорее всего от машины.

— Ты нашёл эту машину?

— Когда было искать, Михаил Степанович? — вскинул брови я.

Лицо шефа побагровело. Я понял, что допустил какой-то ляп.

— Ты когда-нибудь научишься думать? — рявкнул он. — Третий год в сыске, а мозги — как у курицы!

На мою бедную голову вылился очередной ушат помоев...

Орлов как руководитель был не идеал. Он нередко повышал голос, мог откровенно оскорбить. Общение с ним порой становилось невыносимым. Но мы всё это ему прощали. Прощали за его профессионализм. Такие сыскари, как наш шеф, на дороге не валялись. У нас нередко называли его вторым Филипповым, вторым Кошко (Филиппов и Кошко — известные российские сыщики начала XX века). Он обладал воистину феноменальным чутьём. И это чутьё, помноженное на недюжинный

опыт, всегда давало результат. По проценту раскрываемости преступлений наша следственная группа являлась в городе одной из лучших. Мы никогда не барахтались в расследовании, как слепые котята. Направляемые сыщицким нюхом Орлова, мы всегда двигались осознанным путём. Так что обижаться на Михаила Степановича было грешно. Тем более, что его замечания всегда были по делу...

— Ты осмотрел близлежащие дворы?

Я растерянно захлопал глазами, не улавливая смысла предъявленной мне претензии.

— Не на троллейбусе же он приехал среди ночи, чёрт тебя побери! — грохнул кулаком по столу наш шеф.

Меня осенило. Я досадливо воздел глаза к потолку. Ну конечно! «Верблюд» определённо был за рулём. Глубокой ночью общественный транспорт не ходит. Не исключён, конечно, вариант с приездом на такси. Но зачем всё так усложнять, если есть своя машина? И оставил он её, судя по всему, где-то недалеко от дома Здановского.

Какой же я осёл! Как же я не догадался зафиксировать все стоявшие поблизости автомобили!

Я вскочил с места.

— Михаил Степанович, разрешите я съезжу исправлю свой недочёт.

— Сядь, — махнул рукой «батя». — После оперативки поедем вместе. Полчаса ничего не решат. Если машина там, никуда она оттуда не денется.

Я плюхнулся обратно на стул и смущённо потупил взор. Орлов, тем временем, переключил внимание на Лиду.

— По экспертизе что-нибудь есть?

— Да, — кивнула она и поднесла к глазам листок бумаги. — Анализ следов и коврового покрытия позволил составить примерные портреты преступников. Они сопоставимы с тем, что показал вчера ДЧК. Первый — выше среднего роста, где-то 180–185 сантиметров. Худощав...

— Ну, этот, который ночью..., — вставил я.

— ...Микрочастицы набившегося в его подошвы грунта особо ни о чём не рассказали, — неодобрительно покосившись на меня (чего, мол, перебиваешь?), продолжала Лида. — Обычная дорожная пыль, песок, какой встречается на каждом шагу. Второй, судя по следам, менее подвижен. Степень сдавленности ворсинок паласа в местах, где он ступал, несколько выше. Толстым его не назовёшь, но про то, что упитан, сказать можно. Рост ориентировочно 170–175 сантиметров. Грунт с его подошв гораздо интереснее: бетон, цемент, извёстка. Очевидно, часто бывает на стройке. Оба преступника — брюнеты. Об этом говорят

найденные на поверхности паласа волоски. У того, который толще, волосы потемнее. Не исключено, что он цыган. По дактилоскопии результат, увы, отрицательный. Все найденные в квартире отпечатки принадлежат либо хозяину, либо горничной. Никаких других отпечатков нет. Зато есть следы ММП (ММП — специальный крем, который втирают в ладони для предотвращения дактилоскопических отпечатков; используется в работе спецслужб).

Лицо нашего шефа вытянулось.

— Ого! Откуда он у них? Его ведь так просто не достать. Ладно, разберёмся. Что с тайником?

— Анализ собранной там пыли позволяет заключить, что в тайнике находилась обычная ситцевая ткань, — ответствовала эксперт. — Либо тряпка, либо мешочек. А вот то, что было в неё завёрнуто, установить не удалось. Могу только сказать, что это был небольшой предмет прямоугольной формы размером пять на восемь сантиметров. Контейнер, коробка, шкатулка — что-то типа этого. Причём, его не так давно доставали. Доставали и снова возвращали на место.

— Когда? Хоть примерно, — подался вперёд Орлов.

— От трёх до шести месяцев, — пояснила Лида. — Точнее сказать не могу. — Пыль в закрытом пространстве скапливается гораздо

медленнее.

— Хоть так, — проворчал наш шеф; на лежащем перед ним листе бумаги появился очередной восклицательный знак. — Ладно, заканчиваем говорильню — и вперёд. Чурсин работает по Здановскому. Зильберман занимается сбитым. Дима, тебе задача ясна?

— Так точно, Михаил Степанович, — кивнул Зильберман; в то утро он был какой-то понурый; но мы не докучали его расспросами о причинах этой понурости; мы знали, что у Зильбермана была очень больная мать, и относили их на неё. — Дуть в морг, снять отпечатки, зафиксировать основные приметы, сфотографировать — и в картотеку.

— Всё правильно. Если у нас по нему ничего нет — пошлём запрос в МВД. Ну, а с тобой, герой, — Орлов повернулся ко мне, — мы поедем устранять твои ночные недоработки.

Глава пятая

Интуиция нашего шефа в очередной раз оказалась на высоте. Машина «верблюда» стояла в соседнем, по отношению к дому Здановского, дворе. Это была белая «Ливадия» — последнее «чудо отечественного машиностроения», как иронично передразнивали слоганы рекламных проспектов знающие автомобилисты. Повод для

иронии у них, безусловно, был. Дело в том, что «Ливадия» являла собой точную копию американского «бьюика». А чтобы плагиат не просматривался уж очень явно, умельцы САКа (Симбирского автомобильного концерна — завода, где производилась эта модель) снабдили её иной формой фар. На этом их собственное конструкторское творчество исчерпывалось.

Лида затеяла свою обычную служебную возню с нигидриновым пульверизатором и дактилоскопической плёнкой. Мы же с Орловым вступили в беседу с дворником.

Я в очередной раз убедился в высочайшем профессионализме нашего шефа. Помимо глубочайшей проницательности, он обладал ещё и недюжинным умением сразу располагать к себе собеседника, безошибочно определяя присущий тому типаж и соответствующий к нему подход. Распознав в дворнике бывшего моряка, он притворился только что ступившим на палубу новичком-матросом, которому край как необходим совет бывалого служаки.

Почувствовав свою значимость, дворник зарделся от удовольствия. За отставными вояками такое водится. Его спина выпрямилась, подбородок приподнялся, глаза зажглись осознанием собственной цены. Разумеется, немалой. После небольшого вступления на тему недооценённости

дворницкой профессии, он охотно поведал нам свои наблюдения.

— Я эту машину вижу уже второй раз. Но она не из местных. Ни у кого из наших жильцов такой нет. Залётная. Небось, какие-то мажоры-кренделя к своей бабёнке ездить повадились для получения известного рода услуг.

— А в первый раз вы её когда видели? — поинтересовался Орлов.

— Позапрошлой ночью. Приехала часа в два. Я как раз на кухню воды попить вышел. Слышу — шум мотора. Кого это, думаю, в такой поздний час угораздило? Гляжу, эта «Ливадия» подъехала. Вышли оттуда, значит, двое, и к соседнему дому направились.

— Вы их, случайно, не рассмотрели?

— Рассмотрел, но только потом, рано поутру, когда они уже уезжали. Я как раз из дома выходить собирался. Один такой высокий, худой, немного сутулится. Второй — поменьше, покруглее, с усами и бородой.

— А лица их описать можете?

— Вот чего не могу — того не могу. Далековато было. Я ведь на третьем этаже живу, а зрение, сам понимаешь, уже не молодецкое.

— В каком часу это было?

— Где-то около пяти. Я всегда в это время на улицу выхожу, чтобы тротуар промести.

— У них было что-нибудь в руках?

— В руках — ничего. А вот из-под курток что-то оттопыривалось. И у одного, и у другого, как будто они в подмышках что-то держали. Что они, хоть, натворили? Если, конечно, не секрет.

— Закон преступили. По-тяжкому, — вздохнул наш шеф.

Наш собеседник ахнул.

— Господи! Убили, что ль, кого?

Орлов утвердительно кивнул.

— Не деда, часом, из соседнего дома?

— Его самого.

— Вот те раз! За что ж они его так?

— Сами хотели бы это знать. Скорее всего, ограбление.

— Не зря он, значит, никого к себе не впускал. Видать, в квартире у него что-то было.

— Было — да сплыло. А вы этого старика хорошо знали?

— Нет, — помотал головой дворник. — Нелюдимый он какой-то был. Другие всегда останоятся, поговорят. А этот буркнет: «здрасьте» — и дальше чешет.

— А он всегда себя так вёл? — спросил я.

— Всегда, сколько себя ни помню.

— А как к нему люди-то относились?

— Как относились? Да по-разному. В основном, негативно. Кто ж таких дикарей любит?

Мало ли что у них на уме. Некоторые откровенно побаивались. Верка Шапошникова, например, его стороной обходила.

— С чего бы это так?

— Да случай тут один был.

— Что за случай? Расскажите, пожалуйста.

Дворник крикнул и опёрся на метлу.

— Да блашь это всё, — нехотя проговорил он. — Вбила себе баба в голову ерунду, и никак обратно не выбьет. Зимой дело было. В феврале. Идёт, значит, Верка с магазина домой, а старик на лавке у подъезда сидит. Она поздоровалась, зашла в подъезд, и вдруг в обморок — хлоп. «Скорую» вызывали. Лишь на следующий день оклемалась. Прямо как летаргический сон нашёл. С тех пор она его за антихриста сочла.

— А он-то здесь причём? — удивился я. — На нём-то какая вина?

— Так Верка считает, что это именно он её с чувств свёл, — пояснил дворник. — Божится, что есть в нём что-то дьявольское.

— Вот как? Прямо, дьявольское, — рассмеялся я.

— Да ну её! Я ж говорю, это бабья блашь. Знаете, как иногда бывает? Обожжёшь руку об утюг, а затем какое-то время от него шарахаешься, даже если он и холодный. Рефлекс Павлова. Слыхали?

— Слыхали, — кивнул наш шеф и открыл блокнот. — А где живёт эта самая Верка?...

Закончив беседовать со словоохотливым дворником, мы вернулись к «Ливадии». Лида уже завершала свою экспертную возню и аккуратно стряхивала в полиэтиленовый пакет взятые с колёс машины пробы грунта.

— Ну что? — спросил её Орлов.

— По дактилоскопии кое-что есть, — сообщила она. — Информация по грунтовке будет позже. Осталось только запросить данные на владельца машины.

— Егоров, звони, — распорядился наш шеф. — А ты, Лида, вот что: сними-ка ещё картинку для ДЧК. Посмотрим ещё раз на этих «супчиков». В периоде поставь прошлую и позапрошлую ночь. Время — с половины второго до половины шестого.

— Хорошо, — кивнула Лида и принялась расчехлять прибор.

Я же включил рацию, связался с дежурным ГДС, продиктовал ему номер «Ливадии» и в ожидании ответа задумчиво уставился перед собой. Мне не давал покоя один момент. Правильно ли я сделал, что выискивал в книгах Здановского именно вкладку? А может дело вовсе и не в ней. Может требовавшаяся «верблюду» информация была записана прямо в книге на какой-то из

страниц? На полях, между строк, или ещё как-нибудь, но информация эта была для него, безусловно, очень важной, иначе бы он за ней не приходил. Книги надо было не только перетряхнуть, но и перелистать.

Я закрыл лицо ладонями и досадливо помотал головой.

— О чём задумался? — раздался над моим ухом голос Орлова; он стоял рядом и вопросительно смотрел на меня.

— Михаил Степанович, мне нужно ещё раз пересмотреть стеллаж, — негромко произнёс я. — По-моему, я там кое-что прошляпил.

— Пересмотрим, — кивнул шеф. — Только сначала узнаем, кто хозяин машины, да заглянем к этой «жертве антихриста».

Он окинул меня пристальным взглядом. Его глаза подобтели.

— Да ты не переживай. Опыт — дело наживное. Без «косяков» не обходится никто. Я ведь тоже не сразу всё постиг. Знаешь, какие у меня в первые годы службы были проколы?...

Наш диалог перебило гудение рации. Я включил приём. Это был дежурный ГДС.

— Нашли мы ваше сокровище, — сообщил он. — Записывайте владельца.

Собственником машины оказался некий Юрченко Борис Николаевич. У меня точно гора

свалилась с плеч. Личность «пришельца» установлена — значит, к Лизе по этому поводу уже идти не придётся.

— Юрченко... Юрченко, — задумчиво пробормотал Орлов. — Не знаю такого. В поле нашего зрения он, вроде, не попадал...

— А что мне о нём говорить? — выпалила Верка Шапошникова, когда мы задали ей вопрос о Здановском; она стояла за полуоткрытой дверью и испуганно таращилась на Орлова, не выказывая ни малейшего желания пригласить нас к себе.

Судя по доносившемуся из кухни шипению, — так обычно шипят поджариваемые на сковородке котлеты, — мы явились не вовремя, и кредит отпущенного нам внимания был небольшим.

— Вы не могли бы рассказать нам о том эпизоде, когда вы потеряли сознание после встречи с ним, — попросил наш шеф.

— Не буду я ничего рассказывать, — встала в позу наша собеседница. — Хватит уже, нарасказывалась. Мне всё равно никто не верит.

— Мы вам верим, — выразительно посмотрел на неё Орлов; его голос приобрёл всепроникающую вкрадчивость. — Мы сами подозреваем, что гражданин Здановский был личностью, в своём роде, не совсем обычной.

— Да антихристом он был! Дьяволом! —

подалась вперёд Верка. — Вы бы видели его глаза. Это глаза Сатаны!

Излив горечь негодования на потешавшихся над её историей соседей, она перенеслась воспоминаниями в февраль.

— Я тогда из гастронома возвращалась, — начала она. — Подхожу, значит, к подъезду, гляжу — он на лавке сидит. На улице ветер, мороз, а ему хоть бы что. «Здравствуйте, — говорю. — Не простудитесь?». Он на меня как зыркнет, словно ножом насквозь проткнул. У меня аж поджилки затряслись. Захожу в подъезд сама не своя: крутит, мутит, в глазах потемнело — и как в бездну провалилась.

— А что выражал его взгляд? — спросил я. — Что он в себе нёс? Ненависть, угрозу? Может вы ему просто понравились?

— Да хватит вам, — хохотнула хозяйка. — Понравилась. Скажете тоже. Я уже не в том возрасте, чтобы кому-то нравиться. А он не в тех годах, чтобы за кем-то волочиться.

— Причём здесь годы? — шутливо возразил наш шеф. — Бывает, что и в девяносто лет молодость возвращается. Знаете такую поговорку: «Седина в бороду — бес в ребро»?

— У него «седина в бороду» уже давно прошла, — хмыкнула Верка. — Он был уже в другой стадии, когда впору песок под собой

подметать. Что, говорите, выражал его взгляд? — повторила она и задумалась. — Ненависти в нём не было. А вот угроза была. Знаете, мне показалось, что он знал, что со мной сейчас что-то произойдёт. Он явно этого ожидал, и хотел, чтобы это случилось.

— А почему вы так решили?

— Не знаю, — пожала плечами хозяйка. — Мне так показалось. Ещё этот саквояж...

— Какой саквояж? — встрепенулся Орлов.

— У него на коленях был саквояж. Такой чёрный, потрёпанный. Когда я подходила к подъезду, он как раз в нём копался. А когда я с ним поравнялась, тут же его закрыл.

В воздухе повеяло гарью.

— Господи, у меня же котлеты! — переполошилась Верка. — Всё, извините, больше разговаривать с вами не могу. Да и добавить мне нечего. Я уже всё рассказала.

Дверь захлопнулась. Мы с шефом переглянулись.

— Михаил Степанович, вы, что, в самом деле верите, что причиной её обморока является этот старик? — прошептал я.

— Чёрт его знает! — чертыхнулся он. — Ты вот что скажи, вы находили в его вещах чёрный саквояж?

— Нет, — ответил я. — Никакого саквояжа в

его вещах не было.

Орлов задумался.

— Чует моё сердце, — пробормотал он, — что этот саквояж был в его руках неспроста, и что мы с этим саквояжем ещё встретимся.

Глава шестая

Стукнувшее мне в голову предположение подтвердилось буквально сразу же, как только я заглянул в стеллаж. Пометки обнаружались уже в третьей от края книге. Это был сборник стихов Некрасова. Номер одной из страниц, — семьдесят пятой, — был обведён в кружок, а чуть в стороне были начертаны какие-то буквы и цифры.

— Погоди-ка, — сказал, увидев их, Орлов и потянул книгу на себя. — Мне это кое-что напоминает... Хм. А ведь и вправду возможно!

— Что возможно? — не понял я.

В качестве ответа Михаил Степанович рассказал мне одну небольшую историю.

— Было это, если мне не изменяет память, лет десять назад. Взяли мы как-то одного квартирного воришку. Вину его доказали, но где он хранит похищенное — выяснить так и не смогли. Как только его ни «кололи» — молчит, гад, будто язык отрезали. И вот за день до суда получил он свидание с женой, и отдаёт ей какую-то книгу: мол,

возьми, я её уже прочитал. Надзиратель книгу осмотрел. В переплёте, вроде, ничего не запрято. Хотел уже было её пропустить, но тут вдруг увидел, что на одной из страниц подчёркнут номер, а значившиеся в тексте буквы и цифры обведены кружочками. И почудилось ему, что это неспроста. Он позвал следователя. А следователь был толковый. Иваном Михайловичем звали, царствие ему небесное. Уж больно, говорит, эти знаки напоминают шифр камеры хранения. А ну-ка, съездим-ка на вокзал. Приехали мы, значит, на вокзал, нашли ячейку, которая помеченному номеру страницы соответствовала, ввели в качестве шифра выделенные в тексте символы, и — вуаля! В ячейке — чемодан, а в чемодане — награбленное. Так может и здесь та же петрушка?

Взбудораженные этой идеей, мы выскочили на улицу, запрыгнули в машину и ринулись на железнодорожную станцию. Но когда мы зашли в камеру хранения и подошли к семьдесят пятой ячейке, мы испытали глубокое разочарование. Ячейка была свободна. Внутри неё зияла пустота.

Наш шеф обиженно поджал губы. Неужели его легендарная проницательность в этот раз дала сбой? Он огорчённо потупил взор, но тут на него что-то нашло. Он бросился к дежурной. Мы с Лидой последовали за ним. Нашим глазам предстала дородная, светловолосая девица с

ленивым выражением на лице. Услышав вопрос Орлова про семьдесят пятую ячейку, она надменно выставила на него глаза, как бы говоря этим: а ты, собственно, кто такой, дядя? Но ознакомившись с протянутым ей удостоверением, быстро изменила свою политику и достала большую толстую тетрадь.

— Вещи из этой ячейки забрали два часа назад, — сообщила она. — Хозяин напутал с шифром, поэтому её пришлось вскрывать.

Она пододвинула нам журнал, и мы увидели следующую запись: «Амиров Родион Валентинович, паспорт серия... номер... зарегистрирован...». Строка заканчивалась размашистой, но неразборчивой подписью.

— Опоздали, — грустно констатировала Лида.

— Я, что, сделала что-то не так? — забеспокоилась дежурная. — Но я ведь действовала строго по инструкции.

— Вы ничего не нарушили, — успокоил её наш шеф. — Скажите, а что там были за вещи?

— Чёрный саквояж.

Мы переглянулись.

— А что вас убедило, что этот саквояж действительно принадлежит гражданину Амирову? — спросил я.

— Он точно описал его содержимое, — ответствовала девица. — Я проверяла — всё

сошлось. Да и документы у него были в порядке.

— Как выглядел этот Амиров?

Дежурная напряглась.

— Рост средний. Полноват. Борода, усы, волосы такие растрёпанные. Похож на цыгана.

Мы снова переглянулись. Приметы второго убийцы были именно такими.

— Что лежало в саквояже? — напористо поинтересовался Орлов.

— Какой-то прибор.

— Что ещё?

— Больше ничего.

— Вообще ничего?

— Вообще.

— Как выглядел этот прибор? Опишите.

Лоб девицы снова нахмурился.

— Ну-у-у, такой небольшой, зелёный, с ручками... Ой, да не понимаю я ничего в этой технике, — всплеснула руками она. — Не знаю, как его описывать.

Наш шеф побагровел. Работай эта особа в нашем ведомстве — от неё бы осталось мокрое место. Но она была свидетелем, и свидетелем очень важным, так что ему пришлось изыскать силы, чтобы удержать себя в руках.

— У вас есть чистый лист бумаги? — сквозь зубы процедил он.

— Есть.

— Рисуйте.

Дежурная удивлённо вскинула брови.

— Рисовать?

— Да.

— Нету у меня таких талантов.

— А вас не просят нарисовать портрет или натюрморт. Вас просят нарисовать предмет, который вы видели два часа назад, хотя бы эскизно, как сумеете. Поднапрягите память и приступайте.

Но девица категорически отказалась заниматься художественным творчеством. А Орлов был слишком взбудоражен, чтобы подобрать к ней психологический ключ. Ситуацию разрушила Лида.

— Вас как зовут? — мягко спросила она дежурную.

— Прасковья, — ответила та.

— Прасковья, это очень важно. Человек, которому вы отдали саквояж — преступник. И мы должны как можно быстрее его найти, пока он не натворил новых бед. Попытайтесь как-нибудь изобразить этот прибор. Пожалуйста. Давайте сделаем это вместе. Я вам помогу. Хорошо?

Девица растерянно пожала плечами.

— Ладно, попытаюсь.

Лида повернулась к нам.

— А вы не стойте над душой и подождите снаружи, — с деланной строгостью скомандовала она и шутливо подмигнула.

Мы с шефом вышли.

Рисунок был готов где-то через полчаса. Неказистый, неровный, корявенький, он мало походил даже на эскиз, и больше напоминал каракули пятилетнего ребёнка.

— Других талантов, кроме как дежурить в камере хранения, у этой «промокашки», похоже, нет, — проворчал Орлов и засунул рисунок в папку. — Отдам техникам. Пусть разбираются в этой клинописи.

— Лучше уж такое, чем вообще ничего, — заметила Лида.

— А вы были правы насчёт чёрного саквояжа, Михаил Степанович, — заметил я. — Мы действительно с ним ещё раз встретились.

— Главное теперь не саквояж, а прибор, — отозвался он. — Чует моё сердце, что Здановского убили именно из-за него...

Глава седьмая

Указанные в паспорте Амирова регистрационные координаты оказались «липовыми». Он там не проживал. О нём там даже не слыхали. Все, кому мы называли его имя, лишь недоумённо пожимали плечами. Собственно, для нас это был не сюрприз. Опытный преступник вряд ли станет светить место, где его можно найти. Да и

сам паспорт, скорее всего, был фальшивым.

Орлов и Русанова отправились обратно в отделение. Я же получил задание навестить Юрченко.

Когда я приехал по его адресу, дверь мне открыла дряхлая старушка, каких с незапамятных времён, с чьей-то лёгкой руки, повелось называть «божий одуванчик»: маленькая, кругленькая, седая, со светившейся в глазах накопленной за все прожитые годы мудростью.

Увидев её, я сразу смекнул, что мне придётся действовать с двойной осторожностью. Помимо интересов дела, обозначенных Орловым коротко: «Выясняй всё аккуратно, свой визит обосновывай только аварией, об убийстве деда — ни гу-гу» — нужно было принимать в расчёт и соответствующее её возрасту здоровье. Её изношенное сердце могло не выдержать принесённую мною тяжкую весть.

Я придал себе немного смущённый вид и извиняющимся тоном, — пожилые люди это любят, — проговорил:

— Покорнейше прошу простить за беспокойство. Мне дали задание уточнить информацию о зарегистрированном по вашему адресу человеке. Скажите, у вас проживает Юрченко Борис Николаевич?

Старушка надела очки, оглядела меня с головы до ног, после чего утвердительно кивнула:

— Да, это мой зять. А что случилось?

— Да нет, ничего не случилось, — натужно улыбнулся я. — Просто разыскиваем свидетеля одного дорожно-транспортного происшествия. Очевидцы номер машины запомнили, но как-то нетвёрдо. Путаются с последней цифрой. Вот начальство и дало команду проверить все десять возможных вариантов. Ваш зять ведь имеет машину?

— Имеет.

— Какую?

— «Ливадию».

— Цвет белый?

— Да.

— Ну вот, — воскликнул я, — а у нас как раз и фигурирует белая «Ливадия». Может это он и есть.

— А когда случилось это ваше происшествие? — поинтересовалась хозяйка.

— Сегодня рано утром, — ответил я.

Старушка помотала головой.

— В таком случае вынуждена вас огорчить, молодой человек. Вам придётся продолжить ваши поиски.

Я вопросительно вскинул брови.

— Мой зять уже полгода находится в Иране, в служебной командировке, — не без гордости разъяснила она. — Он военный инженер, и

проектирует там какую-то базу. Моя дочь, его жена, уехала вместе с ним. Так что за руль его машины никто сесть не мог. Она стоит в гараже.

Я озабоченно кашлянул. Вот те раз! Если хозяин машины в Иране, то кто тогда приезжал на ней к Здановскому?

А может номер «Ливадии» липовый? Может она есть машина-двойник?

Разберёмся.

Я снова принял облик затюканной понуканиями начальства «шестёрки».

— Ещё раз покорнейше прошу меня простить. Я вам охотно верю. Но начальство требует, чтобы мы во всём убеждались наверняка. Вас не обидит просьба показать мне вашу машину?

— Пожалуйста, — пожала плечами старушка. — Только наш гараж не во дворе. Придётся пройти примерно квартал.

— Я вызову такси, — кивнул я.

На лице хозяйки появилось недоумение.

— Зачем?

— Чтобы вы себя не утруждали. Ходить-то вам, небось, нелегко.

— Дойду уж как-нибудь, — обиженно парировала хозяйка. — Не такая уж я немощная, чтобы на подобные расстояния на такси ездить. Подождите, я сейчас оденусь...

В гараже старушку едва не хватил удар. Автомобиля на месте не оказалось.

— Господи! — схватилась за сердце она. — Неужто угнали? Да как же они умудрились-то, окаянные? Замок-то цел.

— Гаражный замок профессиональных угонщиков не остановит, — заметил я. — Подобрать для него ключ — раз плюнуть.

— Как же Бореньке об этом сообщить? — продолжала причитать моя спутница. — Он ведь расстроится. Он ведь эту машину недавно купил. Даже поехать толком не успел. В эту треклятую границу услали.

— Да не убивайтесь вы, не убивайтесь, — поспешил успокоить её я. — Цела ваша машина. Цела и невредима. На стоянке у нас стоит. Мы её сегодня утром нашли. Я, собственно, из-за этого к вам и пришёл. Но сразу всё говорить не стал. Хотел убедиться, что она именно ваша.

— Нашли? Фу-у-у! Слава богу! — облегчённо выдохнула старушка. — Дай вам бог всем здоровья!

— Могу я обратиться к вам с ещё одной просьбой? — вкрадчиво добавил я.

— Да, конечно, обращайтесь.

— Вы не могли бы показать мне фотографии вашего зятя? У вас наверняка они имеются.

— Конечно имеются. Пойдёмте, покажу.

Мы заперли гараж и отправились в обратный

путь. Вырисовывалось одно из двух: или это угон, или Юрченко на самом деле никуда не уезжал. Наплёл теще про границу, а сам преспокойно пребывает... точнее, пребывал в городе и творил свои чёрные дела.

Обрадованная тем, что свалившаяся внезапно проблема так благополучно разрешилась, хозяйка заставила меня сначала почаёвничать, затем поведала историю своей семьи, которую я вам, уважаемый читатель, приводить не буду, ибо она для данного повествования не имеет никакого значения, и лишь только потом принесла фотоальбом.

Фотоальбом расставил все точки над «і». Взглянув на снимки, я тяжело вздохнул. На фотографиях был не «верблюду». Зятем хозяйки являлся совершенно другой человек.

Значит, всё-таки, угон. А коли так, то без визита к Лизе, увы, не обойдётся.

Поблагодарив старушку за гостеприимство, я вышел на улицу и принялся высматривать телефон.

Глава восьмая

Голос моей возлюбленной звучал приветливо. Но в этой приветливости явственно сквозила фальшь. Чувствовалось, что ей хотелось побыстрее от меня отвязаться. На просьбу о немедленной

встрече последовал завуалированный отказ: мол, некогда, сессия, экзамены. Но когда я упомянул об её долговязом провожатом, Лизина тональность заметно изменилась: от её доброжелательности не осталось и следа.

— Ты, что, за мной следишь? — возмущённо воскликнула она. — Кто тебе дал на это право? Или ты считаешь, что если ты полицейский, то тебе всё дозволено?

— Лиза, за тобой никто не следит, — едва сдерживая раздражение, произнёс я. — Я увидел тебя вместе с ним совершенно случайно, когда шёл со службы домой, и, заметь, сделал всё, чтобы не попасться вам на глаза. Я понимал, что тебя это смутит. Ты можешь встречаться с кем угодно. Это твоё право. А поговорить с тобой насчёт него я хочу по одной-единственной причине. Этот человек погиб. Сегодня рано утром его сбила машина. Я видел, как это произошло. Я его опознал. Никаких документов при нём не оказалось. А нам нужно выяснить, кто он такой, и где искать его родных.

В трубке воцарилось молчание.

— Аллё, — позвал я.

— Альберт погиб? — ошарашено прошептала моя знакомая.

— Да, — подтвердил я. — Так я могу тебя сейчас увидеть?

Лиза сглотнула слюну.

— Да, конечно, — упавшим голосом пробормотала она. — Приходи.

Я сел в автобус и поехал к ней. Но когда я оказался на месте и позвонил в дверь, вместо Лизы ко мне вышла её маман.

— Это я познакомила Альберта Фаильевича Кулахметова со своей дочерью, — надменно заявила она. — Он из хорошей семьи, очень интеллигентный и эрудированный человек, и я сочла, что для Лизы он будет весьма неплохой партией. Его домашний адрес нам не известен. Но его телефон у нас имеется. Это единственное, чем мы вам можем помочь.

Хозяйка протянула мне клочок бумаги, на котором были написаны пять цифр.

— Одного телефона мне недостаточно, — возразил я. — Мне нужно знать...

— Если у вашего ведомства есть к нам вопросы, прошу действовать в официальном порядке, через повестку, — резко перебила меня мадам. — От личных же инициатив прошу воздержаться, иначе мне придётся обратиться к вашему руководству. И перестаньте преследовать мою дочь. У нас был с ней серьёзный разговор, и она согласилась, что в знакомствах нужно быть разборчивее.

Хозяйка развернулась, приготовившись уйти, но вдруг замерла, подумала несколько секунд и

снова обратилась ко мне.

— Если вам нужна подробная информация по Альберту Фаильевичу, поговорите с председателем попечительского совета университета Рудольфом Валериановичем Рябушинским. Это он представил его мне. Всего доброго.

Она зашла в дом и с размаху захлопнула дверь, красноречиво дав мне этим понять, сколь ничтожную, по её мнению, ценность представляет моя персона. Я обескуражено вздохнул и побрёл восвояси.

Солнце закрыла туча. Вокруг потемнело. Сверху стал накрапывать дождь. Он словно являл собой тапёра, аккомпанирующего моим переживаниям.

Глава девятая

Рудольф Валерианович Рябушинский встретил меня приветливо. Это был не очень высокий, скорее ниже, чем выше среднего роста, человек, до того худой, что казалось, будто на его рельефно выпиравших сквозь кожу костях не было ни одного грамма мяса. Его движения были суетливы и беспокойны, а часто менявшие выражение глаза свидетельствовали о повышенной эмоциональности.

— Можете не утруждать себя объяснениями, я

уже всё знаю, — прострекотал он, едва я открыл рот, чтобы пояснить цель своего визита. — Софья Павловна мне уже звонила и попросила снабдить вас самой полной информацией по Альберту. Какой ужас! Какая трагедия! Погибнуть в таком возрасте, да ещё так нелепо!

На лице моего собеседника отразилась неподдельная печаль.

— А сколько ему было лет? — полюбопытствовал я.

— Тридцать с небольшим. Сколько точно — не помню, — развёл руками Рябушинский. — Но всё равно очень мало, чтобы покидать этот свет. Как же это всё произошло?

— Обстоятельства происшествия устанавливаются, — уклончиво ответил я.

— Нашли хоть, кто его сбил?

— Нашли.

— Небось, какой-нибудь пьяница?

— Да нет, водитель был трезв.

— Как же его тогда угораздило?

— Обстоятельства происшествия устанавливаются, — вежливо повторил я. — Этим занимается другой сотрудник. Мне же поручено собрать информацию по личности потерпевшего.

— Да, понимаю, понимаю, — энергично закивал головой мой собеседник. — Тайна следствия, конфиденциальность данных, и всё такое

прочее. Ну, спрашивайте, голубчик, спрашивайте. Я всецело в вашем распоряжении.

Рябушинский откинулся назад, сложил руки на груди и выжидательно уставился на меня.

— В первую очередь меня интересует его домашний адрес и контактные данные его родственников, — начал я. — Где проживают, как с ними связаться. Надо же им сообщить.

Мой собеседник сжал губы и озабоченно покачал головой.

— Боюсь, что многим в этом деле помочь вам не смогу. Жил он, насколько мне известно, в доходном доме Шварценберга. Это такая красная девятиэтажка в районе набережной. Знаете?

Я кивнул. Эта высотка была мне знакома. Она хорошо просматривалась с моста.

— Что касается его родственников, то они мне не известны. И как с ними связаться, я, соответственно, не ведаю. Да вы посмотрите в личных бумагах Алика. Там наверняка имеются какие-нибудь записи.

— Посмотрим, — сказал я. — А откуда этот Алик вам знаком? Что вас с ним связывало?

Рябушинский заулыбался.

— Досуг. Я, знаете ли, люблю по вечерам перекинуться в картишки. У Алика была та же страсть. Мы с ним являлись членами одного карточного клуба. Вы этот клуб наверняка знаете —

«Четыре туза», что на Купеческой.

Я подтверждающе угукнул.

— Сейчас эти заведения, конечно, уже не столь популярны, как ранее, — продолжал мой собеседник. — Люди находят новые применения своему азарту. Но последователи классических традиций ещё не перевелись.

— Гм, — хмыкнул я. — А Софья Павловна говорила, что вы Кулахметова знали очень хорошо. Но разве можно иметь полное представление о человеке, встречаясь с ним только за игровым столом?

Глаза Рябушинского зажглись хитрым огоньком. Он подался вперёд и заговорщически прошептал:

— Тут всё дело в её дочке. Алик как-то попросил меня его с ней познакомить. Он знал, что я имею отношение к университету, где она учится. Понравилась она ему. Вы же молодой. Неужели не понимаете? Я, разумеется, не отказал. Ну как в таком деле не помочь? Я ведь тоже когда-то был молодым. Только, зная Лизину мать, я сделал это по-хитрому. Софья Павловна любит, когда всё проходит через неё. Поэтому я представил Алика именно ей, а уж она затем свела его со своей дочкой.

— Неужели вы дали рекомендацию малознакомому человеку? — вскинул брови я.

— Дал, — констатировал мой собеседник. — И не вижу в этом ничего зазорного. Люди должны друг другу помогать, особенно в таком щекотливом деле, как знакомство с женщиной. Вы же мужчина! Как вы этого не понимаете?

— А вдруг он какой-нибудь вор или убийца? — возразил я.

— Кто? Алик? — рассмеялся Рябушинский. — Что вы! Это милейший, интеллигентный человек. Он и мухи не обидит. Если бы вы его знали, вы бы со мной согласились.

Я тяжело вздохнул. «Если бы вы его знали!». Меня так и подмывало выложить ему всю информацию об этом «милейшем человеке» и посмотреть, как вытянется при этом его лицо. Но я не имел права на такую вольность, и поэтому только сглотнул слюну.

Эх, знать бы мне раньше про этого Рябушинского и про нравы Софьи Павловны! Я бы не счёл зазорным влиться на время в этот карточный клуб, дабы заполучить для знакомства с Лизой такого протеже. С таким рекоммендателем, глядишь, всё сложилось бы иначе.

— А чем он занимался, этот Алик? — задал новый вопрос я.

— Какой-то коммерцией, — ответил мой собеседник. — Что-то связанное с ценными бумагами.

— А другие друзья у него в вашем клубе были?

— В нашем клубе все друзья. Нас всего пятнадцать человек. Это не так много, чтобы делиться на более и менее знакомых.

«Может спросить его про Амирова? — подумал я. — Не исключено, что он тоже там возвращается. Впрочем, нет. Наверное, не стоит. Орлов категорически запретил выходить за рамки аварии».

Я взял свою папку и поднялся с места.

— Спасибо вам, Рудольф Валерианович, за уделённое время. Вы нам очень помогли.

— Пожалуйста, — улынулся Рябушинский. — Если ещё что понадобится — обращайтесь.

Я благодарственно кивнул и вышел из кабинета.

Глава десятая

Позвонив из ближайшего телефона-автомата Орлову, который к тому моменту уже успел вернуться в отдел, я довёл до него всю выведенную мною информацию. Реакцией на неё стал изумлённый восторг.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, — заметил шеф. — То делаешь ляпы уровня детского

сада, то демонстрируешь практически невозможное. Как тебе удалось так быстро выяснить имя сбитого, да ещё и узнать, где он живёт?

— Жил, — поправил его я и усмехнулся. — Секрет фирмы. Потом расскажу.

— Потом — так потом, — согласился Орлов. — Ладно, езжай к нему домой, только языком особо не трепи. Свой приезд, как и в случае с Юрченко, объясняй аварией. Об убийстве Здановского — ни гу-гу. И жди меня.

— Есть, — ободрённый похвалой, шутливо козырнул я и повесил трубку.

В отличие от словоохотливого Рябушинского, консьержка дома Шварценберга, угрюмая седовласая бабка с брезгливым отёчным лицом и колючими глазами, словно воды набрала в рот. Её ответы были уклончивы и немногословны. Каждое слово вытягивалось из неё чуть ли не клещами. Сообщение о гибели Кулахметова не вызвало в ней никаких эмоций. Она лишь равнодушно пожала плечами, словно этим говоря: погиб — так погиб, мне то что.

— Не знаю я, с кем он жил. Может один, может не один — меня это не касается... А что мне о нём говорить? Жилец как жилец. Жил, приходил, уходил... Не знаю я, чем он занимался. Какое мне

до этого дело? Порядок не нарушал — и ладно...

Промучившись с вредной старухой минут десять, я решил оставить это бесполезное занятие. Бесполезное потому, что неразглашение сведений о жильцах было негласным правилом всех престижных доходных домов. А дом Шварценберга к таковым относился. Это помогало привлечь богатых постояльцев. Обеспеченные люди вряд ли выберут для проживания место, где их личную жизнь станут выставлять напоказ. Поэтому управляющие, консьержки, дворники и прочий обслуживающий персонал развязывали свои языки только в крайних случаях, если делишки жильцов шли вразрез с уголовным кодексом. «Верблюд» этому «требованию» соответствовал, но говорить о его причастности к убийству Здановского было пока нельзя. Поэтому я отошёл в сторонку, уселся в одно из стоявших в холле кресел и принялся ждать своего патрона.

Наконец он появился. Вместе с ним была Лида.

— Ну как? — тихо спросил наш шеф, кося глазами на консьержку.

— Глухо, — ответил я.

— Глухо? Ну, давай я попробую.

Орлов подошёл к стойке и положил перед старухой фотографию мёртвого Кулахметова.

— Это ваш жилец?

Та взглянула на снимок и вздрогнула.

— Господи, где же его так покорёжило?

— Под машину попал.

Консьержка обильно перекрестилась. Наш шеф пристально посмотрел на неё. В его глазах сверкнул едва уловимый огонёк, что было хорошим предзнаменованием.

«Считал типаж», — понял я.

Лицо Орлова подобрело. Он опёрся о стойку, взял фотографию и тяжело вдохнул.

— Вот она, современная молодёжь, — посетовал он. — Носятся чёрти куда, сломя голову, оттого и гибнут. Не слушают нас, стариков. Вот бог их за это и наказывает.

— Ой, не говорите, — согласилась старуха. — Дети, конечно, изменились. Никакого сладу с ними нет.

— Чтобы в наше время дети сказали родителям что-то поперёк — такого и представить было нельзя, — продолжал нагнетать наш шеф, видимо учуяв в данной теме слабую точку консьержки. — А сейчас? Ни почтения, ни уважения. Спорят, грубят, ещё и поучать пытаются. Вот и результат.

Реплика Орлова угодила в самую цель. Консьержка грустно покивала головой и доверительно воззрилась на собеседника.

— Моего сына тоже ведь бог наказал. Сколько

раз ему говорила: брось ты этот парашют, брось! Умоляла чуть ли не на коленях. Не твоё, говорю, это дело. Ну какой ты спортсмен? У тебя хороший слух, занимайся музыкой. А он упёрся — и ни в какую. Буду прыгать — и всё. Перед друзьями захотел покрасоваться. Вот и допрыгался. Лежит теперь с переломанным позвонком, а мать за ним ухаживай. Но я-то не вечна. Когда-нибудь да помру. Кому он после этого будет нужен?

— Какое несчастье! — ужаснулся наш шеф.

Старухины глаза покраснели. Орлов повертел в руках фотографию и озабоченно поцокал языком.

— Вот и с жильцом вашим так же. Он ведь тоже чей-то сын. Тоже будет родителям горе. Они ведь ещё ничего не знают.

— Что ж вы им не сообщите?

— А куда сообщать? Нам их местонахождение неведомо. Вы нам с этим, часом, не поможете?

— Да не знаю я, — помотала головой консьержка. — Если бы знала, конечно бы сказала.

В ней вдруг проснулось участие.

— Может друг его знает? Он к нему сегодня утром заходил. Не застал, сказал, что зайдёт позже.

— Это такой высокий, белобрысый? — схитрил наш шеф. — Мы его уже спрашивали. Он не в курсе.

— Нет, не белобрысый, — оживилась

старуха. — Такой кругленький, чернявый, с бородой, с усами, на цыгана похож.

— А этого мы не знаем, — нахмурил лоб Орлов. — И часто он сюда приходит?

— Не так, чтобы часто, но приходит. Как-то даже ночевать оставался.

— А где он живёт, не знаете?

Консьержка пожала плечами.

— Вы оставьте свой телефон. Если он придёт, я скажу ему, чтобы он вам позвонил.

— Да-да, конечно-конечно, — закивал головой Орлов и вытащил из кармана блокнот. — Собственно, звонить ему нам не обязательно. Если он что-то знает, пусть оставит данные у вас. А может мы и сами их сейчас найдём. Квартиру ведь придётся вскрывать.

— Ой, вам, наверное, слесарь потребуется, — всплеснула руками старуха. — А он будет только завтра.

— Нет, нет, — успокоил её наш шеф, — слесарь нам ни к чему. У нас ведь ключ есть. А вот двое понятых понадобятся. Кроме вас тут ещё кто-нибудь есть?

— Дуня есть, уборщица, — сообщила консьержка. — Она сейчас убирает на пятом этаже. Я бы, конечно, тоже могла присутствовать, но мне нельзя отлучаться.

— Ничего страшного, — по-дружески

улыбнулся Орлов. — Попросим кого-нибудь из соседей. А давно этот Кулахметов у вас живёт?

Старуха открыла журнал.

— С двадцать первого февраля, — сказала она. — Уже почти полгода. Ох, господи Боже мой! Я же его только позавчера видела. Спускался по лестнице после полуночи. Куда ты, говорю, идёшь? Ночь на дворе. Улыбается: «По делам, тётя Фрося. Надо». Вот тебе и дела.

— По делам? — переспросил Орлов. — Он что, по ночам работал?

— А шут его знает, — развела руками консьержка. — Лично мне кажется, что он вообще нигде не работал. На работу ведь надо регулярно ходить: утром ушёл, вечером пришёл. А в его уходах-приходах никакого графика не просматривалось. Всё стихийно. То целую неделю дома сидит, то вдруг уйдёт, как будто для погулять.

— Для погулять? — рассмеялся наш шеф. — Вы, случайно, не из Одессы.

— А что, заметно? — заулыбалась старуха.

— Говорок у вас одесский, — пояснил тот.

— Из Одессы, из Одессы. Правда, тридцать лет уже там не живу. Говор, вроде, исправила, но всё равно иногда что-то, да проскальзывает.

— На что же этот Кулахметов существовал, если он не работал?

Консьержка снова развела руками.

— Может родители снабжали, может наследство проматывал — мне сие неведомо. Но проблем с деньгами у него никогда не водилось. Квартплату вносил исправно, никогда не задерживал. Одевался по-модному. Ел, как король...

Я наклонился к Лиде и прошептал:

— Во, Степаныч даёт. Я из неё слова не мог вытянуть. А с ним, гляди, расчирикалась.

— Пора бы уже привыкнуть, — тихо заметила Лида. — Он мастер на такие штуки.

— Только вот с Прасковьей у него вышел облом, — съязвил я.

Выяснив у старухи ещё несколько мелких подробностей, Орлов направился к нам.

— Мы с Лидой пойдём вскрывать квартиру, — сказал он мне. — А ты останься здесь на случай прихода цыгана. Если появится — не спугни. Источай любезность, будь вежлив, деликатен. Говори только об аварии. Попроси подняться к Кулахметову. Мол, нужно проверить целостность вещей. Если откажется — не настаивай. Но постарайся проследить, куда он пойдёт и на чём поедет. Я сейчас позвоню в отделение и попрошу прислать кого-нибудь из «наружки». Оставим тут на всякий случай.

Я послушно кивнул и уселся в кресло. Орлов и Лида зашли в лифт.

За время моего дежурства цыган в доме не появился. Дождавшись обещанного «топтуна», — так мы между собой называли сотрудников отдела по наружному наблюдению, — я сдал ему пост и присоединился к своим напарникам.

Кулахметов был порядочным неряхой. В его квартире царил бардак. Или «ассиметричная композиция с элементами драпировки», как любил говаривать наш острослов Зильберман. Кровать была разобрана, одежда разбросана по углам, в кухонной раковине возвышалась гора немытой посуды, слой пыли на мебели свидетельствовал о том, что последняя уборка производилась здесь более месяца назад.

Никаких записей, проливающих свет на его происхождение и род занятий, мы не обнаружили. Но нас ждала не менее ценная добыча — несколько паспортов на разные имена. После этой находки причастность нашего «клиента» к криминальному миру стала очевидна, как родимое пятно.

Солнце заходило за горизонт. Возвращаясь домой, я не удержался и зашёл во встретившуюся по пути телефонную будку. Мне хотелось внести ясность в свои личные вопросы. Я набрал 7-17-47, но, услышав голос Софьи Павловны, тут же нажал на рычажок. Над моим настроением продолжал довлеть мрак, в котором едва мерцал слабый огонёк